

Зарека

ТЫ МОЯ, Зарека...

1. В гостях у Онуфровича

СОЛНЕЧНЫЙ февральский денек. Бодрящий морозец. Иду по плотине в поселок имени Свердлова (в прошлом – Зарека или Гора). До середины 60-х годов сюда и автобусы ещё не ходили. Сегодня можно и на "тройке", и на "пятерке", и на такси доехать. Но я специально выбрал "одиннадцатый" маршрут, как в детстве, – пешочком. Чтобы продлить удовольствие. Ведь это мой родной поселок, в котором жил более четверти века.

Вот и железнодорожный переезд. Слева – пруд. Сейчас он подо льдом. Летом же прямо с плота, где половики стирают, белье полощут, пацаны ловили рыбу и ныряли, играя в "пятнашки" (говорили в "абажики"). Справа за переездом угорчик, с которого мы, ещё совсем мальцами, махали ручонками проходящим поездам. Ликовали, когда кто-либо из пассажиров тоже на прощанье махал нам рукой. А если это делал машинист, радовались вдвойне. И спорили: "Это он мне помахал!" – "Нет, мне!". А иной машинист наоборот пугал: ка-а-ак даст гудок или с шумом выпустит пар (мы ещё застали паровозы).

Однако пойдём дальше. По улице Шестакова в гору можно подняться по бетонной лестнице. Раньше была деревянная. Но я иду тропинкой по ложку и, свернув влево, поднимаюсь к зданию бывшей ШРМ № 1. До войны здесь располагалась школа № 5. А до революции дом принадлежал управляющему Лысьвенским Горным округом. Заглянем?

АДАМ Ильич проснулся оттого, что на грудь к нему запрыгнул Боцман. Хозяин погладил пушистого любимца семьи. Кот замурлыкал. Под его песню по привычке стали вспоминаться события минувшего дня: "Так, вчера была суббота, 12 июля. С утра я побывал на посудной фабрике, где налаживается выпуск эмалированной посуды. Спрос на неё, полагаю, будет расти. Пока производство шивной, оцинкованной и луженой посуды приносит доход, сокращать его не следует. С выпуском белой жести и оцинкованного железа тоже вроде всё в по-

рядке: продукция расходуется как на российском рынке, так и за границей.

Однако, что-то голова побаливает... Да-а, кажется, мы вчера изрядно разговелись. После вечерней службы в Свято-Троицком храме все нагрянули ко мне: отметить день Первоверховных Апостолов Петра и Павла. В народе сказывают: Петр и Павел день убавил. Всяк, кто дорос, спешит на сенокос. Петров день – "разговины". Вот-вот... Хорошо помянули и последнего владельца завода графа Павла Петровича Шувалова, Царствие ему небесное! В короткий срок провел довольно серьезную реконструкцию. Без нее не видать бы в девятисотом году Большого приза и золотой медали Всемирной выставки за наше лысьвенское луженое и оцинкованное железо да белую жечь. Теперь не растерять бы этих достижений.

И всё же, почему у меня в голове шумит? Стол был вроде не беден: вяленый окорок со свежими и малосольными огурчиками, зелень, пироги из курятины, первые грибочки в сметанке. А селедочка с молодой картошечкой и укропчиком! И прохладная водочка от Смирнова хороша была. Неужли перебор допустил? А не причиной ли тому еще вчерашний зной? Недаром говорят, Петр и Павел жару прибавил. Вот и я, видать, малость "перегрелся".

Чем же все-таки голову-то поправить? ...Знаю!

Адам Ильич убрал Боцмана с груди. Встал, потянулся, накинул атласный халат. Прошел к себе в кабинет. И по выступающей метра на полтора из пола переговорной трубе, соединяющей с прислугой на нижнем этаже, позвал:

– Лукерья!

– Слушаюсь, барин.

– А принеси-ка мне с погребу огуречного рассола.

– Сию минуту, барин.

В ожидании лечебного напитка Адам Ильич присел к письменному столу, надел очки. Перед ним лежала брошюра "Описание Лысьвенского завода" (составлено учителем Шалаевым в 1857 году).

Её с неделю назад принес курьер. Прежде до той брошюрки руки никак не доходили. Поэтому сейчас он с любопытством взял "Описание". И на случайно открытой странице его взгляд выхватил такой абзац:

(Окончание на 5-й стр.)

Зарека ты моя, Зарека...

**Зарека ты моя, Зарека!
Деревянные домики в кучке.
Как барашки, плывут облака,
Поспешая за матерью-тучкой.**

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

"Из пороков между жителями Лысьвенского завода преимущественно господствует разврат. С трудом можно отыскать честную деву или женщину. Беременность до брака вовсе не считается особенно важным проступком. К развитию безнравственности между жителями способствуют собрания в ночное время на так называемые помочи, где после ужина молодежь обоего пола остается на свободе целую ночь. ... Обмануть, нередко обокрасть, обидеть кого-либо считается за ничто, лишь бы предстала возможность",

Поразмыслить над прочитанным Адам Ильич не успел: с подносом, на котором стояли графин и стакан, вошла Лукерья. Из-под её легкой белой косынки виднелись пшеничного цвета волосы, голубые глаза улыбались. Лукерья налила из запотевшего графина рассолу:

— Извольте испить, батюшка.

Адам Ильич с наслаждением, не отрываясь, выпил чудодейственный напиток, от которого уже спустя минуту начало светлеть в голове. И тут Онуфрович вспомнил, что в гостевой комнате у него отдыхает представитель французской автомобильной компании "Renault" Анри-Базиль де Соммэ. Француз приехал в Лысьву посмотреть — нельзя ли использовать в автомобилестроении здешнее железо? Им, кстати, покрывали крыши здания английского парламента и собора Notre Dame de Paris, а американцы обшивали корпуса речных судов.

"Сделка с набирающим силу французским предприятием была бы на руку, — подумал Онуфрович. — Чем же ещё ублажить француза?". Адам Ильич поставил стакан на стол рядом с открытой брошюрой. Глаза вновь натолкнулись на фразу: "... С трудом можно отыскать честную деву или женщину". А что ... если? Адам Ильич оценивающе оглядел ладную фигуру Лукерьи.

— Слышь, Лукерья, Варьке-то твой сколь годов?

— Осьмнадцать, барин.

— Вот что, Лукерья. Скажи Варваре, чтобы отнесла рассолу месью Анри. Он, похоже, после вчерашнего шибко хворает. Да накажи дочери, чтоб полюбезней вела себя с господином из Франции. Он наш гость. Угодит твоя Варька французу, я её из кухонных девок в курьеры переведу. И жалованье повышу.

— Слушаюсь, барин, — попятилась из кабинета Лукерья.

Адам Ильич вышел на террасу. Вдохнул полной грудью свежий утренний воздух. С пруда тянул легкий ветерок. Наступал новый день — воскресенье, 13 июля 1913 года.

Мог ли предположить в этот момент управляющий Лысьвенским Горным округом, ученый-металлург Адам Онуфрович, что жить ему осталось ровно год и одну неделю?

РАСПОРЯЖЕНИЕ о призыве на военную службу запасных ниж-

Фото Алексея ТИХОМИРОВА.

них чинов в Лысьвенский завод пришло в пятницу, 17 июля 1914 года. А в понедельник 20 -го (2 августа по новому стилю) был большой праздник — Ильин день. Вот и собрались с утра у конторы управления Горного округа мобилизованные рабочие с требованием разделить пожертвованные хозяевами завода на благотворительные цели 350 тысяч рублей.

Из докладной Пермского губернатора И. Кошко министру внутренних дел от 5 августа 1914 года (*публикуется впервые*):

"... Со стороны рабочих и запасных раздавались фразы: "Вчера взяли за горло и деньги получили (о выдаче двухнедельного заработка), возьмем и сегодня за горло и получим". После того, как Онуфрович сказал, что требуемых денег не выдаст, он повернулся и пошел с крыльца в швейцарскую здания.

Стоявшие первыми рабочие ринулись за ним и, схватив за руки, вытащили из швейцарской на крыльцо. У Онуфровича на лице показалась кровь от нанесенного кем-то удара. Видя это, полицейский надзиратель Епимахов с револьвером в руке крикнул толпе: "Отпустите управляющего или буду стрелять!".

... Онуфрович и полицейские чины вбежали и заперли дверь в швейцарскую. Стоявшего на крыльце стражника толпа смяла и убила тут же. ... Последними из горевшего здания управления (пожогли бунтовщики. — Г.В.) выскочили Онуфрович и помощник пристава Киселев. Оба побежали. Онуфровича толпа сбита с ног и убила в сажнях 23-х от здания управления.

... Самое избиение заводской администрации и полиции носило характер такой циничной и жестокой расправы, что по своей бесчеловечности оно не поддается никакому описанию. Трупы были изуродованы до неузнаваемости. Над ними всячески издевались, раздевали почти донага, причем некоторые из толпы тут же одевали обувь, снятую с убитых...

В беспорядке участвовало не более 500-600 человек, в том числе дети в возрасте 12-14 лет, а также женщины, подносившие камни, которыми из толпы бросали в окна горевшего здания. Одна из женщин показала толпе, куда спрятался помощник исправника, крикнув: "Идите его добывать!..."

Среди бунтовщиков, принимавших участие в расправе над управляющим Онуфровичем, были и братья Лукерья Андрей и Степан, рабочие лудильного цеха. Так Адам Ильич, поляк по национальности, и не распознал до конца загадочную душу русского мужика, который долго запрягает, но быстро ездит, у которого удержу нет ни в кутежах, ни во гневе...

ПРИЗНАЮСЬ, что в описании воскресного утра 13 июля 1913 года в доме управляющего Лысьвенским Горным округом я допустил некоторую вольность, впрочем, автор имеет право на художественный вымысел. Да и в моем воображении тот день предстал почему-то именно таким. Может, потому, что так дотошно и с любовью к старине рассказывали об этом доме его нынешние обитатели.

А моими экскурсоводами были директор станции юных техников Елена Ершова, педагоги Ольга Сюраева и Сергей Ершов. Они провели меня по всем кабинетам, показали изразцы, которыми, возможно, был выложен камин, латунные ручки от дверей, изготовленные тульскими мастерами Каменевым и Гинкелем (их фамилии, равно как и двуглавый орел России, если приглядеться, видно на ручках).

Сергей Николаевич продемонстрировал в действии (!) механическую вентиляционную систему. Ей ничего не сделалось, хотя дому сто с лишним лет: построен в 1897-98 годах. Спустились мы и в погребок с кирпичным овальным сводом. В нем сухо, просторно. Добротный фундамент из бутового камня-плитняка, а на нем стволы лиственниц в два обхвата, на которых и держится здание. Всё сделано по уму, с толком, на века. Рядом проходит железная дорога, буквально под окнами по "тещиному языку" идут большегрузные машины, а дом ничуть не покосился.

Бывшая учительница математики третьей школы, а сейчас москвичка Елена Плешкова вспоминает: "... ещё в 1926-м году (с этого времени она с мамой-учительницей жила при школе. — Г.В.) дом управляющего сохранял признаки былой роскоши. Полы устланы красивым цветным линолеумом. В комнатах — изящные многоламповые бронзовые люстры с механизмом подъема.

Имелась у господ и ванная комна-

та с местным водопроводом (огромный бак наполнялся насосом) и канализацией. Конечно, многое из этого было уже разрушено.

Из роскошной гостиной через большую стеклянную дверь можно было попасть на террасу, оттуда по лестнице — в сад. За гостиной находился танцевальный зал, из которого выходили на южную террасу и к площадке для игр (крюкет). В восточной части сада — две густые аллеи из рябин, берез, елей и сосен. Садовая беседка имела шестиугольную форму и наполовину как бы свешивалась над обрывом. Очень впечатляло!

В южной части сада стояла выкрашенная в зеленый цвет часовня. Когда срезали гору для расширения дороги, половину сада сплелили, разрушили беседку.

В школе № 5 начинали работать известные в Лысьве люди — Е.А.Полякова, впоследствии редактор "Искры", В.В.Юрганова, ставшая директором техникума, А.Ф.Козлова — директор Дома пионеров, В.С.Смирнов, директор школы № 1 (погиб в Великую Отечественную). Моя мама Клавдия Георгиевна Плешкова проработала в школе № 5 девятнадцать лет". ("Искра" от 27.04.04.)

А недавно я узнал, что станция юных техников и эколого-биологический центр вот-вот потеряют юридическую самостоятельность. Основная их база сольется с базой Дворца детского творчества, часть перейдет в кружки-спутники, которые будут организованы в школах города уже с нового учебного года".

Это так называемые результаты "оптимизации" образования. В какое нестабильное время мы живем! СЮТ заехала в дом бывшего управляющего в 2003 году. Освоились. Провели ремонт, в ходе которого и были найдены изразцы камин. Их, как и старинные дверные ручки из цветного металла (охочие до него уже находились!), ребята и педагоги бережно хранили, понимая, что здание с 1993 года является памятником истории и культуры. Сохранится ли всё это при новых хозяевах?

Геннадий ВЕРШИНИН.

(Продолжение следует.)